

СУДЬБА

Среди моих земляков старшего поколения много интересных людей. У каждого своя удивительная судьба — знакомясь с ней, окунаешься в атмосферу давно минувших лет, проникаешься духом прошлого.

Елизавета Стефановна Воробьева живет в небольшом доме в старинном селе Руднево. Недавно отметила 91-й день рождения.

Лицо избородили глубокие морщины — свидетельство не легкой судьбы простой русской женщины, прожившей долгую жизнь, полную радостей и печалей, тяжелого, порой непосильного, труда. Но, несмотря на все тяготы и лишения, выпавшие на ее долю, Стефановна сохранила озорной огонек в глубоких серых глазах, добрую улыбку.

— Было время, могла галопом пронестись на гнедом по родному селу, — рассказывает Елизавета Стефановна. — А когда заводила свой новенький трактор ХТЗ-15, могла посостязаться с любым трактористом-мужчиной.

Еще задолго до войны как-то пришла в село разрядка на то, чтобы подобрать несколько человек для обучения в школе трактористов, но желающих, даже среди мужчин, оказалось немного.

— Наши мужики были больше привычны к дедовским лошадам, а пересаживаться на трактор боялись, — продолжила свой рассказ болховская "Паша Ангелина", — а я взяла да и попросила отправить меня учиться на тракториста. Когда об этом узнали в селе, надо мной почти весь колхоз потешался.

— Надо же, баба, а на трактор сестра собралась, — хихикали маловеры. — Может, и в летчики на "ероплан" запишешься?

Но аэропланов пока в колхоз прислать не обещали, а вот тракторы по болховской земле уже бегали, поэтому Лиза стояла на своем. Председатель скрепя сердце все же решил послать ее учиться, о чем потом несколько не пожалел.

Уже следующую посевную Воробьева встречала на новом, только что сошедшем с конвейера тракторе, а когда она одна вспахала и засеяла втрое больше площадей, чем все дюжие мужики на лошадях, всем шуткам пришел конец. Всем нос утерла!

Молодая и целеустремленная колхозница на достигнутом останавливаться не собиралась. Спустя пару лет окончила школу комбайнеров, и скоро уже и на жатве ей не было равных. Так Елизавета Стефановна стала одним из лучших механизаторов не только в своем хозяйстве, но и в районе.

Начало войны на всю жизнь запомнилось ей богатым урожаем хлеба, уродившимся на колхозных полях.

— Тяжелые спелые колосья клонились к земле, — делится воспоминаниями Воробьева, — а с уборкой не заладилось, так как все горючее на фронт шло. Успели обмолотить только двести гектаров, когда к селу подошли фрицы.

Летом 1943 года Красная Армия вела ожесточенные бои за каждый квадратный метр болховской земли. Сколько раз Руднево переходило из рук в руки, не помнят даже очевидцы сражения. Навечно врезалась тогда в память Елизаветы Стефановны картина усеянных убитыми и ранеными, чадающих от разбитой снарядом военной техники полей. Но дожидаться окончательного освобождения села удалось не всем. Семью Воробьевых угнали в Германию с последним эшелонотступающих фашистов, разбросали по разным немецким селам, заставили батрачить на "гроссбуэров".

Американские войска освободили саму Елизавету и ее старшую сестру Раю, англичане — родителей и младшенькую Дусю. В лагере удалось встретиться вместе. Но и путь домой был нелегок. Своеобразным пропуском на Родину и в мирную жизнь стали для семьи Воробьевых шесть месяцев, проведенных в трудовых лагерях (теперь уже "на благо Советского Союза").

В Руднево вместо дома их ждало пепелище. Пережив зиму в землянке, весной Воробьевы начали строить заново.

В возрожденном колхозе работы был тоже не по чатый край, только вот сестра заштурвала трактора Елизавете пришлось.

Годы лишения сильно подорвали ее здоровье, хотя без работы и потом никогда не сидела. Первой была и на току, и на ферме, затем стала бригадиром полеводческой бригады. Более десятка лет отработала и после выхода на пенсию. Заслужила почетное звание ветерана труда, а вот личная жизнь у нее так и не сложилась.

Елизавета Стефановна давно на заслуженном отдыхе, согбенная годами, но по-прежнему не сломлена духом. "Есть женщины в русских селеньях..." — писал много лет тому назад русский поэт о величии женского духа. Есть они и сейчас, будут и впредь. И примером тому — простая русская крестьянка Елизавета Стефановна Воробьева — "наша вековуха", как называют ее в Руднево.

Елизавета Стефановна давно на заслуженном отдыхе, согбенная годами, но по-прежнему не сломлена духом. "Есть женщины в русских селеньях..." — писал много лет тому назад русский поэт о величии женского духа. Есть они и сейчас, будут и впредь. И примером тому — простая русская крестьянка Елизавета Стефановна Воробьева — "наша вековуха", как называют ее в Руднево.

Иван ОРЛОВ.

Болховский район.

Фото Вячеслава МИТРОХИНА.

ПРИЗВАНИЕ

УКРОЩЕНИЕ ОГНЯ

Вот перед вами женщина. Весёлая, разговорчивая, с прекрасной улыбкой. Можно сказать, эталон женского обаяния. О ней, кстати, так в Покровском и отзываются.

А ведь сугубо мужским делом занята. Всю жизнь сварщица. Высшего разряда.

Вместо румян — маска, вместо маникюра — брезентовая рукавица. Красота не подменная. — В наши времена девчата охотно на такую работу шли, поощрялось это. Нынешние пацаны-практиканты удивляются: "Как вас угораздило в сварщицы? Нам и самим это в тягость, а уж девчонкам..."

Чем дальше, тем больше будут дивиться люди той утраченной эпохе. Какое там "угораздило"... На Донбасс ехали за полнотою жизни — и находили всё, о чём мечтали.

Сразу после школы покровская девчушка умчалась в донецкие степи, к угольным разрезам и большим стройкам. Там сразу шесть девушек из её компании обучились на электросварщиц.

И тридцать два года была Любовь Зубкова в передовых работниках, ровно шипящая электродуга навсегда стала её призванием.

В девяносто седьмом вернулась в родной посёлок Покровское. С тех пор и по сей день — в местном ООО "Монтажник", опять же сварщицей.

— Да что вы прикипели к электродам? Сверканье, смрад...

— Ага, всегда горит на тебе... Искра на ватник упала — дым; робу пропало — ожог.

Смешливо показывает давние шрамы на руках, вплот до локтя. — В пудовых ботинках сорок третьего размера хожу, окалину мну, флянцы с уголочками пинаю... Ничего! Всегда любила в мужское одеваться.

И то правда. Отец конюхом был, а дочурка на лошадях каталась. Приезжий начальник воскликнул восхищённо: "Глянь, как лихо малый проскакал!" Отец: "Какой малый, это Любка моя..."

Недавно варила забор в лесничестве, увидела лошадку, взгромоздилась. Лошадь скосила круглый глаз, подумала и поплелась тихим шагом...

— Эхе-хе... — засмеялась Любовь Николаевна. — Поняла тебя, милая: прошли мои галопы... Что же, не беда: была девчон-

кой-отчаюгой, стала завидной мастерицей. Среди наград — медаль "Шахтёрская слава".

Автору в своё время пришлось поупражняться в электросварке. Мучительное занятие. Дуга постоянно рвётся, гаснет, электрод намертво липнет к железу. То и дело его приходится поспешно раскачивать и выдирать из шва, словно гнилой зуб из челюсти.

И под вой перегруженного сварочного аппарата нехорошие слова летят из тебя веером, как те искры.

— Дуга у тебя гасла потому, что нужный угол держать не мог; и электроды, небось школьные были, проволока с мелом; и рука ещё была полудетская, — объясняет Любовь Николаевна, терпеливо, как практиканту-неумёхе. — А ругаться нельзя, я до сих пор матом не грешу; и мужики, когда возле меня работают, тоже остергаются... Нет, работа у нас красивая.

Да, дуга сквозь тёмное стекло маски очень пленяет; вулканчик кипящего металла ворожит, медленно ползёт рубиновой живую гусеницей и роскошно меркнет с осыпавшего своего хвоста.

Когда научишься одним ловким чирком зажигать дугу, когда хорошо уже умеешь держать и вести её, сколько надо — тут и приходит какое-то очищение, какое-то спокойствие; как, наверное, у индуса во время медитации, или как у нас в минуты долгого взгляда в лунное небо.

Любовь Зубкова — единственная женщина-сварщица во всей округе, а может, и в целой области. Смотришь на неё, и кажется, будто она с былых радостных плакатов сошла.

С тех ностальгических картин, где все выглядели счастливо; где жизнь шла без туземных жвачек, банков и этих, как их, промоуторов, не знаю, что это и такое, дуга их погжи.

Покровская женщина напомнила о той редкостной эпохе, когда и слава действительно была шахтёрской, рабочей, и сварная работа — именно славной.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
п. Покровское.